

Николай Михайлович Щекотов

Русская крестьянская живопись

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ40

Щ40 **Щекотов Н.**
Русская крестьянская живопись / Николай Михайлович Щекотов – М.: Книга по Требова-
нию, 2025. – 44 с.

ISBN 978-5-521-38865-3

ISBN 978-5-521-38865-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О русской крестьянской живописи до сих пор не написано ни одной строчки, точно она вовсе не существует. Правда, и другие области крестьянского искусства—узорная резьба, вышивка и гончарное дело далеко не пользуются у нас должной известностью, но о них кое-что пытались писать, и образцами их не раз пользовались наши художники для своих собственных работ, о существовании же крестьянской живописи, повидимому, никто и не подозревает

Подобное явление может показаться весьма странным тому, кому случалось видеть, хотя бы в некоторых наших музеях, сотни вещей, украшенных рукой крестьянского живописца, и объясняется оно, вероятно, тем, что работы последнего по характеру своему сильно отличаются от произведений наших городских художников.

Крестьянину неведомо так называемое „чистое“ искусство, которое в настоящее время преимущественно создается художниками города; его художественная дея-

тельность полностью посвящена украшению предметов домашнего и сельского обихода, равно как и убранству его жилища и одежды.

Художник „чистого“ искусства в своих произведениях стремится дополнить, углубить и объяснить то, что мы, может быть, видим каждый день, и мимо чего большинство из нас проходит без внимания.

Портретист, например, живописуя лицо человека, стремится передать нам характерные его черты, то, чем данный человек отличается от других; художник пытливо улавливает в человеческом лице следы прожитой жизни, и таким образом как бы проникает сам и вводит нас, зрителей, в его человеческую душу.

Возьмем хотя бы „Даму в голубом“ К. Сомова, находящуюся в Государственной Третьяковской галлерее: перед нами слабая, болезненная женщина, тихая и, ни для кого, может быть, незаметная в суете жизни. Художник, отбросив в ее лице многое из того, что на нем начертала жизнь, оставил только то, что, по его мнению, выражает ее душу,—кроткий рот, нежный овал лица, слабые плечи и грустные глаза,—хрупкость и неприспособленность ее к „грубой действительности“. Томик стихов, который она держит в руках, вечерний пейзаж, видимый позади нее, и молодой человек, играющий вдали на флейте, дают нам понять, что жизнь „дамы в голубом“ исполнена мечтательности, и что внимать внутренней музыке ей дороже восприятия житейского шума.

Средства, которыми пользуется художник „чистого“ искусства для передачи нам своего видения, чрезвычайно разнообразны, но всегда требуют с его стороны особенного напряжения душевных сил и острого, проникновенного восприятия жизни; поэтому этот вид искусства кажется нам в настоящее время самым высоким и значительным. Большинство из наших художественных музеев как раз и наполнено произведениями „чистого“ искусства: произнося слово „живопись“, мы вообще подразумеваем под ним, главным образом, картины, то-есть то, что писано не столько для украшения нашего житейского обихода, сколько для углубления, уяснения и обострения нашего миропонимания. Ничего подобного мы не встречаем в крестьянской живописи; ее задачи совершенно иные, а потому нуждаются и в особенном подходе.

Большое количество вещей крестьянского домашнего и трудового обихода поражает нас прежде всего узорчатостью, цветистостью и праздничною пестротой, совершенно необычайными для глаза современного горожанина. Правда, что на местах, в самих деревнях, мы уже почти не встречаем теперь подобной украшенности, и, наоборот, внешность крестьянской жизни отличается в наше время, за редким исключением, будничностью и скудностью убранства, но еще несколько десятилетий тому назад, судя по письменным свидетельствам и зарисовкам тогдашних путешественников, в местах, даже

близких к городам, вся эта крестьянская красота, ныне собранная, и далеко неполно, в немногих наших музеях, еще оставалась слитой с трудом и досугом землепашца и была особенностью его жизненного уклада.

Большую роль в крестьянском украшении играет красочная роспись, но роспись эта весьма далека от картин „чистого“ искусства, а изображения, которыми художник в ней пользуется, неспособны занять наш ум и взволновать глубоко наше чувство; они прежде всего предназначены радовать глаз, как радует его простой узор из каких-нибудь геометрических фигур.

Приглядываясь в отдельности к вещам, расписанным крестьянским художником, мы тотчас заметим, что в этой росписи весьма немного внесено из наблюдений над окружающей его жизнью и природой. Роспись саней, дуг, лубяных коробьев, сундучков, деревянной посуды, прялок и всевозможных больших и малых берестяных лукошек богата фантастическими цветами, травами и зверями, которых не только крестьянину, крепко привязанному к своему родному клочку земли, но и вообще ни одному человеку в мире не приходилось и никогда не придется видеть в действительности.

Особенно поражает нас любовь крестьянина к фантастическим зверям; он неизменно пользуется ими, как украшением, где только возможно и даже где, кажется и вовсе не нужно.

Ими украшены его одежда, изба, мебель, посуда, орудия его ремесла, средства передвижения: сани, телеги, дуги

Среди этих фантастических тварей, никогда не виданных нашим крестьянином, очень часто мы встречаем фигуру льва с „процветшим“ хвостом, то-есть с хвостом, оканчивающимся, вместо кисти волос,—как это свойственно настоящему льву,—трилистником или еще каким-нибудь растительным завитком.

Хотя художник, конечно, никогда не видал живого льва, тем не менее в большинстве случаев он изображает его не без удачи, и мы легко узнаем это животное хотя бы по тем главным признакам, которые в нем так или иначе сохранил крестьянский мастер: по ~~широкой морде~~ украшенной волнистой гривой, сильному гибкому телу, мягким и в то же время могучим лапам. Художнику удается даже сохранить характерные черты львиной морды, несмотря на то, что он передает ее линиями, вот-вот готовыми превратиться в узорный завиток. То же желание художника использовать всякое почти изображение, как приятный для глаз и ясный для них узор, заставляет его разделявать неестественно витиеватыми завитками гриву царственного животного и ~~обращать~~ в трилистник конец его хвоста. Все это, вместе взятое, придает льву фантастически-узорчатый облик.

Остальные животные, интересующие крестьянского художника, имеют еще более сказочный облик; очевидно,

этот небольшой, но весьма замечательный зверинец считается им необходимым условием для существования его художественного мастерства: стоит нам только откинуть этих тварей, и все своеобразие и праздничная пестрота, свойственные крестьянскому искусству, сгинут вместе в ними.

За львом следует, близкий к нему по виду, гриф. У грифа то же львиное тело, но снабженное орлиными крыльями, голова — также орлиная с острыми стоячими ушами, шея же как бы покрыта перьями. Гриф — гордое стройное животное, соединяющее в себе царственных представителей из животного мира двух стихий. Если со львом крестьянский художник обращается весьма по-домашнему, „сгибает“ его, как хочет, в зависимости от того, где льву суждено поместиться — под наличником окна, на причелине крыши, наверху прялки, — то гриф как бы пользуется большим почтением, оставаясь всегда в одной, неизменно гордой позе, да и применяется, особенно в живописи, много реже, нежели первый.

Иногда вместе со львом изображается и единорог, белый или вороной, с длинным, прямым и острым рогом во лбу. Такое изображение чаще всего мы находим наверху прялочной лопаски. Но самыми замечательными, особенно для крестьянского быта, изображениями являются твари, сочетающие воедино человеческую и звериную природы: „берегиня“, „стрелец“ и „сирин“

Стрелец. Роспись лубяного короба.

Гриф. Роспись с лубяного кроба.

Оконный наличник.

Чашепитие. Прялочная роспись.